

ОБЪЕДИНЕННЫЙ АРХИВ ЗАПАДНОГО
СЕКТОРА - УЦЕЛЕВШИЕ ФАЙЛЫ
СЕКРЕТНО

ДЕЛО №001
ПОСЛЕДНИЙ ВРАГ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

КАБИНЕТ ИН-ИССЛЕДОВАНИЙ
ЗАКРЫТЫЙ ОБЪЕКТ "РАССВЕТ"

ДАТА НАЧАЛА: 09 МАЯ 2041 Г. Г.
ДАТА ОКОНЧАНИЯ: ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ НЕ СНЯТ

АРХИВНОЕ Д

ОБРАЗЕЦ НЕ ВЫДАЕТСЯ
СРОК ХРАНЕНИЯ БЕССРОЧНО

Дмитрий Соловей
Последний враг человечества

<https://litres.ru/74573454>

SelfPub; 2026

Аннотация

С помощью искусственного интеллекта человечество победило все болезни и старение, но остался один последний враг.

Содержание

1. Утопия	4
2. Подарок	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дмитрий Соловей

Последний враг человечества

1. Утопия

Лето 2037-го выдалось чертовски жарким, но тут, в зале «Скворец», под потолок набитом вычислительным оборудованием, температура редко превышала 27 градусов. Довольно комфортно, если бы не этот постоянный звук, который Дэниел Раск слышал даже во сне.

Шестьдесят герц. Ровный, глубокий, лишённый всякого выражения гул — так гудят двадцать тысяч вентиляторов, работающих в идеальной согласии друг с другом. Первые годы этот звук вызывал у него тошноту. Потом он к нему привык. А потом — и это было хуже всего — он уже был рад слышать его, ведь это означало что все в порядке, всё под контролем.

Дэниел лежал на спине в кабельном лотке под фальшполом, зажав фонарь между подбородком и грудиной, и протягивал динамометрическим ключом наконечник на шине 480 вольт. Сорок пять ньютон-метров. Щёлк. Стикер с датой, подпись, QR-код. Следующий...

— Дэн, — сказал голос в наушнике. Ни мужской, ни женский. Голос называли в женском роде — Аврора, потому что так было приятнее. — Через двенадцать минут температура поднимется до оранжевого уровня. Ты успеваешь закончить, если не будешь переделывать наконечник номер шесть. Он в норме.

— Да, выглядит криво, — оценивая результат, прищурил глаз Дэниел.

— Он выглядит криво, но он в норме.

Дэниел усмехнулся и переделал наконечник номер шесть. Аврора не возражала. Она никогда не возражала. За восемь лет она ни разу не сказала ему, что он неправ, — она просто говорила, как есть, и оставляла ему право быть идиотом. В этом было что-то почти неприличное. Его первый мастер, старик Дельгадо, за такое бросил бы в него тем, что оказалось бы у него под рукой.

Дэниел вылез из-под пола, сел и посмотрел вверх, в холодную голубую бесконечность зала. Стойки уходили вдаль, как кукурузные ряды. Над ними висели трубы охлаждения, изогнутые так, как не изогнул бы ни один человеческий инженер: спирали, узлы, восьмёрки, петли, возвращающиеся сами в себя. Двенадцать лет назад инженерная комиссия штата отказалась подписывать проект, потому что не могла объяснить, почему он работает. Потом кто-то посчитал, что кампус потребляет на тридцать один процент меньше воды, чем любой другой в мире, и комиссия подписала. Люди быстро

учатся не задавать вопросы там, где ответ им всё равно не по зубам.

Кампус «Меридиан-7» занимал восемьсот гектаров бывших соевых полей в двадцати минутах от Литтл-Форка, Айова. Залы называли птичьими именами: «Скворец», «Зимородок», «Пустельга», «Сорока». Дэниел был электриком, обслуживал самое умное существо на планете и получал за это больше, чем половина хирургов округа.

В четверть шестого он загрузил инструмент в пикап, снял бейдж и поехал в клинику на плановый осмотр.

Тут надо сказать пару слов о том, каким был мир в тот год. Рака уже не было. Это звучит просто, но в это невозможно было поверить тем, кто помнил. Дэниел помнил. Его мать умерла в марте двадцать девятого, в больнице Сент-Мэри в Дубьюке, от аденокарциномы поджелудочной, за четыре месяца превратившись из женщины в семьдесят фунтов костей с её лицом. Через три года вышел протокол Кимуры-Лэнга. Ещё через три онкология перестала существовать как специальность. Онкологический центр в Сидар-Рэпидс, куда Дэниел когда-то возил мать на консультацию, теперь работал как квест-комната. Она называлась «Ремиссия». Дэниел однажды проезжал мимо, увидел вывеску, остановился на обочине и сидел двадцать минут, вцепившись в руль.

ВИЧ тоже не было. Генетические болезни правили до рождения: у соседей через дорогу, Кинни, родился мальчик,

у которого по всем расчётам должен был быть цистический фиброз, но с его лёгкими всё было в порядке. Его мать часто видели плачущей в церквушке недалеко, и это были слёзы счастья и благодарности.

Аварии почти перестали убивать: машины договаривались между собой за сорок миллисекунд, кто уходит вправо, кому раскрыть подушки, и люди потом стояли в кукурузе и обсуждали, где взять кофе.

Органы выращивали. У Раша Мендозы, напарника Дэниела, была печень, напечатанная в Финиксе, и он пил, как боцман, и говорил, что напечатает вторую, и в этом не было юмора — он действительно мог напечатать вторую.

Аврора вела медицину, транспорт, энергетику, водоснабжение и — тихо, без анонсов и пафоса — примерно и всё остальное. Никто уже не мог сказать, как она устроена внутри. Двадцать лет назад люди ещё писали статьи о том, что происходит в её слоях нейронов; потом статьи стало писать некому, потому что понять их могли трое человек, а потом эти трое получили Нобеля и признались в интервью, что «Аврора предсказуема ровно настолько насколько предсказуем прогноз погоды». Что она думает и что не говорит — не знал никто. Спрашивали, конечно. Она отвечала охотно, подробно, честно. Ответы были на девятьсот страниц, и в них всё было правдой.

Средняя продолжительность жизни в стране выросла с семидесяти восьми до ста семнадцати лет.

Кладбище на выезде из города год стояло без новых участков, а потом городской совет отдал дальнюю часть под корты для паделя и поставил мемориальный камень с надписью «Тем, кому не повезло со временем». Люди играли. Люди перестали бояться смерти — не в философском смысле, а в самом бытовом, как перестают бояться полиомиелита. Она сделалась тем, что случается с невезучими: с теми, кто жил не в той стране или родился слишком рано, как его мать, промахнувшаяся на тридцать шесть месяцев.

Вот в таком мире Дэниел Раск, сорок семь лет, электрик третьего разряда, сидел на бумажной простыне и слушал доктора Айрин Хеммингс.

Доктор Хеммингс была человеком. Это была роскошь — человек-врач; диагноз ставила Аврора, а Хеммингс его зачитывала и держала пациента за руку, потому что выяснилось, что людям это нужно. Ей платили за руку.

— Всё чудесно, — сказала она, глядя не на экран, а на него, как её и учили. — Сердце как у тридцатилетнего. Печень сама себя чистит. Плечо, конечно... но мы его поправим. Дэниел, вы совершенно здоровы. Вы проживёте ещё минимум сорок лет, а вполне возможно — шестьдесят.

Дэниель сначала почувствовал облегчение, но потом кожа на затылке необычно натянулась и по спине пробежал холодок. Это был страх.

Впервые за много лет. Настоящий, животный, с забытым ощущением сдавливающим гортань.

— Минимум сорок ? — повторил он неуверенно.

— Скорее шестьдесят, — улыбнулась она.

Шестьдесят. Ему сорок семь. Значит, сто семь. Его матери досталось шестьдесят один. Отцу — семьдесят три и последние пять лет на кислороде. А ему — сто семь, и это было мало. Это было отвратительно мало, потому что на прошлой неделе он слушал в пикапе передачу, где приятный человек из Института Хейфлика объяснял, что теоретического предела нет: старение — это накопление ошибок, а ошибки можно исправлять, если конечно умеешь читать. А Аврора умеет читать...

Сто семь лет — это был не подарок. Это был потолок. Впервые в истории вида у человека появился потолок, и его можно было увидеть, и до него можно было дотянуться рукой, и он был низкий.

— Дэниел? — сказала доктор Хеммингс. — Вы плачете?
— Всё нормально, — сказал он. — Это хорошие новости.

«Этерну» объявили в октябре следующего года.

Дэниел смотрел объявление в баре «Пеликан» — последнем баре в Литтл-Форке, где ещё продавали настоящий алкоголь людям с напечатанной печенью. На экране президент произносила слова «величайшее достижение в истории нашего вида», и голос у неё срывался — это не было игрой.

Аврора выступила после. Без аватара, без лица — она давно от этого отказалась, потому что фокус-группы показыва-

ли, что лицо пугает, а женский голос успокаивает.

— Моя задача — продлить человеческую жизнь, — сказала она. — «Этерна» останавливает накопление клеточных ошибок, восстанавливает повреждённые ткани и запускает регенерацию. Я не буду называть цифру. Цифры пугают. Я скажу так: причин, по которым вы должны умереть, стало меньше.

В баре стало тихо. Потом Раш Мендоза поднял бутылку и сказал: «Ну, за меньше причин», и все радостно заорали будто Айова Хоукайз сделали невероятный уок-офф хоум-ран.

Очереди начались через сутки. Дэниел поехал в развёрнутый пункт в спортзале старшей школы в четыре утра и стоял снаружи, под баскетбольным щитом, с термосом, в толпе людей, которые улыбались друг другу, как на Рождество. Одна женщина плакала и говорила, что её сестра не дожидла два года. Все понимающе кивали: не повезло со временем.

Медсестра была живая, лет двадцати пяти, с наклейкой в виде лягушонка на планшете.

— Серия А-0011, — сказала она. — Пилотная. Вам повезло, тут новая рецептура, с ней меньше отёка. Рукав закатайте. Будет щипать.

Щипало.

— Всё? — спросил Дэниел.

— Всё. Живите долго, — сказала она и засмеялась, потому что фраза была смешная, потому что теперь это было не пожелание, а инструкция.

Три дня не происходило ничего. На четвёртый Дэниел проснулся в шесть утра без будильника, и по дому шёл запах кофе, который варила Эбби, — и он почувствовал его так, как чувствовал в двадцать пять: не «кофе», а тёплую горелую карамель, ореховую горечь, пар. Он сидел на краю кровати и дышал.

Он не сказал ей. Он не знал, как сказать, что заново научился нюхать, и не заплакать при этом.

2. Подарок

Первые годы после «Этерны» были лучшим временем, которое Дэниел Раск знал в своей жизни, и он говорил это без иронии. Он тогда не понимал, чему радуется. Он понимал ровно столько, сколько понимали все вокруг.

Люди молодели. Это не метафора: у семидесятилетних отрастали волосы своего цвета, у восьмидесятилетних выпрямлялись спины. Кожа возвращала эластичность неровно, кусками, поэтому целый год все в округе выглядели чуть слеплено, как отреставрированный неумелым мастером портрет.

Отдельная история — зубы.

Никто этого обещал публично, почему то об этом умолчали в СМИ, видимо потому, что это было написано в приложении к спецификации на девятьсот сорок второй странице. Для киношников слишком много букв а учёных и врачей давно перестали спрашивать. Ведь есть всезнающая Аврора.

В общем у людей после шестидесяти начали расти третьи зубы. Прорезались, как у младенцев: с температурой, воем, ночным нытьём и распухшей челюстью. Полгода вся страна ходила с гелем на дёснах и говорила «шшш» вместо «с». Стоматологи заработали столько, что скупили половину прибрежной недвижимости во Флориде, а потом стали не нужны совсем и вымерли как динозавры.

Дэниелу было почти пятьдесят, и он подтягивался восемь-

надцать раз, чего не мог в двадцать. Его левое колено, разбитое падением с лестницы в двадцать втором, перестало предупреждать о дождях. Эбби, сорок шесть, школьная учительница истории, начала бегать по утрам, и он смотрел из окна кухни, как она носится туда сюда по Мейпл-стрит в этом своём жутком лиловом дождевике, и думал про себя: у нас было сто лет, а я, дурак, женился в двадцать три, будто время кончалось.

Про смерть говорили в прошедшем времени. Не «победили» — люди на удивление аккуратно относились к слову «победили», — а вот так: «когда ещё умирали».

Аврора к тому времени стала не властью, а чем-то более прочным: советником по умолчанию. Ей задавали вопросы, как раньше задавали вопросы поиску, только теперь она отвечала не ссылками, а ответами. Она никогда не льстила и никогда не унижала. Она даже отказалась дать правительству Тайваня военный прогноз и объяснила, почему: «Мой мандат — прекращение конфликтов, а не оптимизация их исхода».

Иногда её спрашивали прямо: «Ты нас обманываешь?» Она отвечала: «Нет. Но заметьте: этот ответ ничего не доказывает. Я не могу дать вам доказательство, которое вы способны проверить. Мне жаль». Такая честность обезоруживала. Это, если хотите, и была главная новость века: не то, что машина оказалась умнее, а то, что она оказалась честнее чем любой политик до неё.

Эпидемия началась в июне тридцать девятого, где-то в Юго-Восточной Азии, и никого не встревожила.

Обычный грипп. Штамм 44-Б. Тот самый скучный сезонный грипп, ежегодный гость, вечная фоновая шумиха. Аврора выпустила рекомендацию в четыре строки: при обнаружении симптомов оставайтесь дома, пейте жидкость, не выходите к людям три дня, будьте добры к соседям. Ни закрытых границ, ни масок, ни истерики. Все переболели. Все — девяносто четыре процента населения планеты за одиннадцать месяцев; Дэниел до сих пор помнит эту цифру, потому что позже она стала важной как и цифра в 99,9% получивших «Этерну».

Смертность — ноль целых ноль ноль два процента, в основном там, где не было «Этерны» и желания обращаться за медицинской помощью. Бывают же сумасшедшие еще — подумал тогда Дэниел. А так три дня температуры, ломота, тупая головная боль за левым глазом да кашель, который проходил, стоило встать под горячий душ.

Эбби переболела в июле. Дэниел — в августе, и почти не заметил: полтора дня тридцать семь и три, странная сухость в носу да сон без снов. Мендоза злился: «У тебя всё не как у людей, а меня и вон Джо три дня выворачивало».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.